

П. ЗАСОДИМСКИЙ

Разрыв-травка

(Святочная сказка)

З

а синими морями, за высокими горами, за лесами дремучими, за песками сыпучими в чужедальней земле жил-был один почтенный старик. Перед смертью он созвал к себе всех нищих той страны...

— Нищая братия! — шамкал старик своими беззубыми челюстями. — Знаю я, что у вас ничего нет... Но у вас могло бы быть многое...

Старик закашлялся и стал задыхаться. А нищие оборванцы, обступив его кругом и затаив дыхание, жадно прислушивались к каждому его слову.

— Вот вам мое завещание! — слабым голосом продолжал старик. — Выберите вы из своей голи человека самого крепкого, сильного да смелого... Много испытаний будет ему... И пошлите вы этого сильного да смелого на край света белого, в тот лес непроходимый, где за каждым деревом, в потемках, лешие с ведьмами в прятки играют.

Старик опять закашлялся и бормотал все несвязнее и несвязнее. Нищие ближе к нему понадвинулись.

— Среди леса стоит избушка с красным оконцем, — чуть слышно говорил умирающий, — а на крыше, на коньке, сидит дрях-

лый, седой ворон и каркает прямо на восток день и ночь. В этой самой избушке живет старушка; ей ровно триста лет и три года. Она-то и знает про ваше богатство. От нее вы узнаете: что у вас могло бы быть, если бы...

Тут старик захрипел и умер.

В раздумье разбрелась голь перекатная по своим трущобам и норам.

«Что бы такое значило это «если бы»? — рассуждали нищие. — Ну, задал старик загадку! Ведь угораздило же его умереть на этом самом слове. Может быть, сбrehнул, старый? Последнее-то время, говорят, его из ума вышибало... А может быть, в самом деле слышал что-нибудь? Кто ж его знает!..»

— Ну, так и быть! — решила нищая братия. — Выберем самого сильного, крепкого да смелого и пошлем его в дремучий лес, на край света белого... Пускай ту старуху поищет!

Все единогласно выбрали Трусливого.

Храбрости Трусливого никто не пытал, а сила у него была страшная, про то ведали двадцать человек: не подступай — раскатает! И нравом был крепок, жизнь вел самую умеренную. И смирен, даром, что этакая сила сидела в нем: мухи, бывало, не обидит... Трусливый не ослушался мирского приговора, взял в руки по палице — в 50 пудов каждая — и пошел. Идет...

Народ-то смотрит на него да сторонится — диву дается.

А Трусливый только ухмыляется: «Вот, дескать, каков я!..»

Шел-шел Трусливый. Сапоги износил он, на дороге бросил; палицы поистерлись — у каждой по 10 пудов весу сбавилось. Наконец приходит он на край света белого, к лесу дремучему. Лес темный-темный, ни зги в нем не видно, и конца ему, кажется, нет. Вступил Трусливый в лесной сумрак, в тишь лесную, смутился духом и вздрогнул, как осиновый лист. Тут разом припомнились ему все ужасные поверья и бывальщины. Из-за каждого дерева, казалось ему, чей-то хвост торчит, чьи-то уши из-за листьев мелькают. Ему уже послышались вдали и дикое ржание, и визг, и хохот. Ему уже чудилось, что лесная сила на него наступает, и за пнями и за кустами мерещились ему всякие безобразные чудовища... Храбрым Трусливый никогда отроду не был, а теперь в лесу и подавно напала на него трусость великая.

Немного шагов сделал он и скоро во мраке разглядел в сто-

роне избушку. Подошел он к этой маленькой избушке и тихонько постучал в оконце.

— Эй, отзовись, коли есть живая душа! — взмолился он и задрожал пуще прежнего, заслышав звуки своей речи; ему почудилось, что в лесу как будто кто-то его передразнивает, смеется.

У Трусливого со страха зубы застучали... Трепетно приник он к маленькому оконцу и отшатнулся. В тот же миг оконце отодвинулось, из него показалась взъерошенная старушечья голова с грязной тряпицей вместо платка на седых, всклокоченных волосах.

— Для чего ты, добрый молодец, покой мой смущаешь? — сердито спросила старуха, протирая свои заспанные глаза.

— Скажи мне, родная, — обратился к ней странник, — как мне пройти в самую середину леса к той бабушке, что живет на свете ровно триста лет и три года.

Старуха как бы в недоумении широко раскрыла глаза.

— Гм! — промычала она. — Трудное дело ты задумал. Длинна дорожка до той избушки... Придется тебе идти до нее лет тридцать, а может, и побольше... Да смотри, не пугайся!.. (Тут старуха улыбнулась, оскалив остатки своих почерневших зубов.) Станет нападать на тебя наша сила лесная — крепись! Ежели не испугаешься, то, долго ли, коротко ли, добредешь, куда тебе надо. А если побежишь — пропала твоя головушка! Не найти тебе дороженьки ни вперед, ни назад, так и станешь блуждать по лесу веки вечные. Сгинешь!.. Ну вот иди по этой тропинке, да помни: не сворачивай с нее!..

Старуха, зевая, указала ему костлявой рукой на тропинку, заросшую травой, и захлопнула окно. У Трусливого зуб с зубом не сходиллся, по телу мурашки побежали и волосы встали дыбом. Посмотрел Трусливый на темные вековые сосны и ели; их толстые, мшистые ветви, как длинные и цепкие руки бесчисленных лесных духов, простирались над ним... Понутив голову, пошел Трусливый вперед маленькими шагами — шагами воробьиными. «Не воротиться ли лучше подобру-поздорову, пока не поздно? — раздумывал детинушка, не зная, что делать и с палицами, и со всей силой богатырской. — Что поделаешь с палицами против силы нечистой?» Мысль уйти из лесу подобру-поздорову шибко пришлось ему по сердцу; она-то и мешала ему подвигаться впе-

ред. Шагнет Трусливый, да и остановится, озирается по сторонам, нюхает: чем пахнет, не смолой ли, не серным ли, едким дымом? И всё думает: «Не воротиться ли?..» Оглянувшись, а избушки уж не видать за деревьями. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу у Трусливого, и руки отяжелели, и ноги словно свинцовые, и язык онемел, как сухая щепка лежит во рту, не шевелится. Страх обуял доброго молодца, но все-таки он еще шагнул раз...

И вдруг поднялся ветер, зашатались деревья, зашкрипели; треск и вой пошел по лесу. Помутилось в глазах у Трусливого, покатались палицы на землю, опустились рученьки могучие. «Конец пришел!» — мелькало у него в голове.

Вот выскакивают на него из-за деревьев чудовища косматые, безобразные, гадкие, машут своими темными крыльями, шипят, свистят, грозно сверкают на него огневыми очами. То весь лес, с верхушек до корней ползучих, красным полымем осветит, словно заревом, то вдруг тьма кромешная упадет. А по лесу-то, из конца в конец, хохот, грохот раскатывается, гул гудит, стон стоит... Тут почудилось Трусливому, что кто-то мохнатой лапой хватается его за ноги, за шею, тащит за волосы, за бороду дерет, а отмахнуться — моченьки нет. Набралось много силы бесовской, а Трусливому с перепугу показалось ее вдвое боле. Лесная сила все прибывала да прибывала; сползалась, слеталась она со всех сторон... Шатнулся Трусливый с тропинки и побежал от нее без оглядки, как заяц... Разом все смолкло. Оглянувшись Трусливый — нечисть исчезла, и все было спокойно и тихо в глубине лесной. Стал он искать тропинки; нет тропинки, и найти не мог. Так он с той поры и пропал без вести...

Напрасно ждала нищая братия своего могучего богатыря, не дождалась и решила, что, видно, с ним что-нибудь недоброе приключилось. Выбрали опять сильного, крепкого да смелого, разудалого, лихого молодца — Любивого. Даром, что молод был Любивый, но в силе его никто не сомневался — ни стар, ни мал; смелость свою он доказал не однажды на деле. Человек был жизни хорошей, примерной...

Взял он с собой одну дудочку и смело вошел в лес. Тотчас же, за первыми деревьями, увидел он избушку и, недолго думая, постучал кулаком в окно.

— Кто тут есть? Отзовись-ка! — крикнул он без всякой опаски.

Отодвинулось оконце, выглянуло в него заспанное старушечье лицо, и послышался брюзгливый, недовольный голос: «Эк тебя развозило! Ополлоумел, что ли?..»

— Скажи-ка мне лучше, — перебил ее молодец, подбоченившись, — как тут пройти в середину леса к бабушке, что живет на свете ровно триста лет и три года?

— Прыток ты, я вижу! Прыток, да путь-то долог! Смотри, парень, — брюзжала старуха, — не умаялись бы твои косточки, не изменила бы тебе твоя молодость. Укатали не одного такого бурку, как ты, крутые горки. Знай же, нападет на тебя наша сила лесная, станет пугать тебя...

— Не боюсь я вашей силы лесной... Выходи! Еще поборемся, — промолвил молодец.

— Эх, ты, шустрый какой! — заметила старуха. — Ну ладно! Не испугаешься ты наших образин лесных.. Положим, так! Да человек-то ты молодой; не мечом, а тонким волосом, не с боями, а с лаской снимут с тебя голову. Не от темных страхов, не от зелья или какого-нибудь дурмана закружится твоя победная головушка; закружится она оттого, что жизни в тебе много, — вишь, как она в тебе кипит, по жилочкам ходит, переливается... По глазам твоим вижу, что ты ласков, много мягкости в тебе...

Правда, в Любимом жизни было много, кипела и била она что твой горный ключ. Правда и то, что он был человек мягкий...

— Не страхом, так соблазном станет донимать тебя наша сила лесная! — шамкала старуха. — Боек ты, а она посильнее тебя... Помни же: не сворачивай с тропинки! Свернешь с нее — прощайся с крещеным миром. Пропадешь! Не дойти тебе до бабушки, да не найти дороги и назад... Будешь ты блуждать веки вечные в нашем лесу неисходном.

— Не грози! Не испугался! — сказал Любивый, потряхнул своими русыми кудрями и смело пошел вперед, по указанию старухи.

А старуха ему вслед только молча улыбнулась, оскалив свои отвратительные зубы, потом окошечко захлопнула.

Едва Любивый сделал два-три шага в глубь дремучего бора,

как вдруг со всех сторон поднялись на него нечистые силы — завывли, заголосили, завизжали, словно тысячи народа живьем жарились на сковороде. Страшилища машут своими темными крылами, стонут, режут — треск и вой расходятся по заколдованным дебрям. Махнул Любивый своей дудочкой и пошел вперед. Мигом все исчезло, и по-прежнему тихо стало в лесу. Вокруг немного посветлело...

И видит Любивый: в стороне хатка стоит, а у той хатки на крылечке под навесом сидит молодница, такая нарядная да пригожая, что Любивый загляделся на нее. Шаль на молоднице расписная, разноцветная; на ножках — сапожки красные, сафьяновые; на руках — жемчуг, жемчуг на шее, а в ушах — драгоценные камни горят...

— Зайди, добрый молодец, ко мне на перепутье! — зазывает его молодница и ласково машет ему рукой. — Зайди, отдохни немного...

— Не устал! — говорит Любивый.

Тут молодница выбегает к нему на дорогу, покраснелась вся, как маков цвет, хватает его белой рученькой за рукав и молит:

— Пожалей меня! Ведь я измучилась по тебе... Ночью не спится мне, днем покою нет... Уж давно ждала, насилу дождалась тебя, моя радость!.. Да ты хоть в хатку-то ко мне загляни! Посмотри, как в ней привольно. Не найди тебе уголка уютнее, хоть весь свет пройди... Не ходи! Останься! Я буду лелеять тебя, как дитя малое, буду веселить тебя в скучный час, стану петь тебе такие песни, что ты сам от них никуда не уйдешь. Ты не увидишь, как в довольстве, в радости — с верною, покорною женой — твоя жизнь пройдет и тихо закатится, как вечер красный...

Любивый рассказал, по какому делу он идет.

— Сбrehнул старик, а вы и послушались... — возразила молодница. — Ах, тебе предстоит трудный путь, далекий путь... Много опасностей на нем! Для чего гоняться за несчастьем, когда можно счастье взять? Останься!

— Братья меня послали! — твердил Любивый.

— Братья! — передразнила его молодница. — А братья ничуть не пожалеют тебя... Темны у твоих братьев головы... Измучишься ты понапрасну, пропадешь где-нибудь на дороге, лютые звери тебя растерзают, воронье выклюет очи твои светлые, умрешь

ты безо времени, без радости, а братья мигом забудут тебя, как будто ты и не жил на свете... Если же ты и не погибнешь, то все-таки не найти тебе бабушки; ничего ты не узнаешь о своем деле. С пустыми руками к своим братьям воротишься!.. Они же тебя и обесславят, над тобою же и надругаются. Не стоит умирать за них! А здесь-то, смотри, какое приволье!..

Любивый вырвал у молодницы свой рукав и пошел вперед. Та повалилась ему в ноги.

— На кого же ты покидаешь меня? — слезно взмолилась она. — Сокол мой ясный, останься! Постой!..

Но Любивый даже не оглянулся, не хотел он изменять своей нищей братии...

Идет он и видит: на берегу голубого озера в мягкой густой траве, посреди цветов, под развесистыми деревьями лежит красавица, вся темными волосами, как шелковой волной, позакрывлась. Глаза светят из-под бархатных ресниц, как звездочки ясные из-за черных облаков. Губки алые полураскрылись... Смотрит Любивый, дивуется — и во сне-то не приходилось ему видеть таких чудес...

— Иди ко мне! — зовет его красавица. — День жарок, а здесь прохлада и тень; трава здесь мягка, цветы душисты... Ты устал, а путь далек, пустынен. Приляг, отдохни! Смотри, острые камни тебе все ноги изрезали, колючий кустарник все руки тебе исколол. Лицо твое в крови... Эти ветки в лесу так исхлестали тебя. Ты весь в пыли... Иди же сюда! Вот чистое озеро... Выкупайся, а потом отдохни...

И своим чудесным, чарующим голосом красавица тихо поет:

Мы живем здесь без печали —
В тишине лесной...

Красавица, как будто в забытии, то откидывает свои темные волосы, то снова бросает их на себя. Она манит, зовет Любивого. Она издали обжигает его своими блестящими огневыми очами и влечет неотступно. Она говорит:

— Отдохнешь, освежишься и с обновленными силами снова пустишься в путь, бодр и весел!

Не помня себя, Любивый готов сделать шаг к красавице, но вовремя вспоминает он зловещие слова старухи, отворачивается

и, махнув рукой, идет вперед. Идет он, идет и вдруг видит: сидит под деревом, пригорюнившись, молодая девушка, и такая грустная, такая печальная, что кажется, зверь лютый пожалел бы ее, самая кровожадная тигрица с материнскою нежностью поласкала бы своей лапой ее поникшую головку. Сидит девушка, опершись на колени руками, и тихо плачет... На ней черное, траурное платье, застегнутое наглухо, и никаких украшений. Только в виде украшения распустились по плечам ее мягкие белокурые волосы... Любивый слышит, как девушка всхлипывает.

— О чем ты, девушка, плачешь? — спрашивает он.

А у самого сердце надрывается от жалости.

Она вздрагивает при звуке его голоса, как бы не заметив его прихода, и отнимает руки от своего разгоревшегося лица. Доверчиво смотрит она на Любивого своими голубыми глазами, полными слез, — такими глазами, кажется, только ангелы смотрят на небесах.

— Как мне не плакать! — со вздохом говорит она. — Я сирота. Нет у меня ни отца, ни матери и никого из родных на всем свете. Друга нет... Ох, тяжело, тяжело мне!.. Был у меня жених, вместе мы с ним росли, играли. Я думала, мы вместе и жизнь проживем. Как я его любила! А он бросил меня, променял на богатство... Были у меня братья, пятеро таких же молодцов, как ты, — смелы были мои братья: оттого теперь их и нет со мной. Они поплыли в море спасать погибавших. Разразилась страшная буря... Они не спасли погибавших, да и сами теперь лежат на дне морском. Вот я и осталась одна, хожу в лесу, выхода не нахожу... А темная сила со всех сторон наступает на меня...

Слезы застлали глаза девушки; ее милая белокурая головка опять понурилась. Как железными тисками сжалось сердце у Любивого. «Бедная ты, бедная!» — вырвалось у него прямо из души.

Невыразимо стало жаль ему одинокую, брошенную девушку... Сошел он с тропинки, сел рядом с девушкой и стал утешать ее. Чем более смотрел он на нее, тем она казалась ему лучше, милее.

— Не плачь! — говорил он ей с участием. — Осуши слезы, посмотри веселее на белый свет, улыбнись приветно! Раны всякие залечиваются, время исцеляет и великое горе... Не плачь! Ну, не плачь же! — Так он говорил нежно, ласково...

— Ты добрый человек! — промолвила девушка. — Не гони же меня от себя, я всюду пойду с тобою! Станем делить и радость, и горе, станем вместе бороться с силой лесной... Согласен?

Любивый взял крепко девушку за руку, наклонился и поцеловал ее.

— О, да! Согласен! — в восторге шептал он, позабыв слова старухи о том, что не мечом, а тонким волосом снимут с него голову.

— Теперь, — говорил он, — мы пойдем с тобой рука об руку через этот темный лес смело, бодро, весело. Теперь мы не будем унывать...

Как в чаду похмелья, закружилась голова у доброго молодца... Прошло немного времени, очнулся он. Девушки — друга, верного спутника — как не бывало, а Любивый вместо нее обнимал серый мшистый пенёк старой березы... Тут он догадался, что сердце ввело его в обман, что его верная спутница была лишь одно лживое видение... Вокруг него, как темные тени, толпились высокие деревья, грозно, зловеще помахивая над ним ветвями, словно желая промолвить: «Теперь ты наш — и навсегда!» Они со всех сторон протягивали над ним, как над своей жертвой, толстые, сучковатые ветви, как длинные, цепкие руки, словно собирались схватить его и удержать. И удержали... Куда он ни шел, от деревьев не мог уйти, не мог убежать от их ветвей, тянувшихся за ним. Они его ловили на каждом шагу, цеплялись за его одежду, хватали за руки, за плечи и страшным, явственным шепотом говорили: «Стой! Не уйдешь!..» И в то же время густая, ползучая трава ему ноги опутывала, и он напрасно бился в ней, как в зеленых сетях, украшенных цветами.

Сгинул Любивый...

Ждала-пождала нищая братия своего удалого молодца, не дождалась; догадалась, что, видно, напрасно пропадают силы богатырские в том проклятом лесу.

— Кто не пойдет, никто не возвращается... Что за чудо! — рассуждают люди. — То ли не силен был у нас Трусливый, то ли не мил был Любивый! Какого же еще надо!

— Не на таковских, видно, мы попадаем! — молвил один оборванный мудрец. — Давайте-ка бросим жребий. Это будет вернее. Сказано — сделано.

Созвали всех людей оборванных, холодных и голодных, бросили жребий. Упал жребий на Ваню — мальчугана по десятому году. Все диву дались, но никто не прекословил... Ванина мать слезами обливалась, но не удерживала свое детище, пустила его на все четыре стороны ради мирского дела. Плача, она говорила:

— Ступай, Ваня! Послужи миру верой и правдой! Не для того я тебя на свет родила, чтобы тебе на печке лежать... Иди, потрудись!

Плачет, а сама сына в путь снаряжает... Целует, милует, а сама отталкивает: «Иди! Уходи!..»

Сколько палок Ване ни давали, все ему оказывались не под силу. Сорвал Ваня голубой цветочек в поле и отправился в путь.

— Прости, дитятко! — стонала мать. — Ты, может быть, проведешь о нашем кладе, да меня-то в живых не застанешь, ко мне на могилу придешь...

Ушел Ваня. Шел, шел... Вошел он в лес — и прямо к избушке: стук-стук!

— Коли есть душа живая, откликнись! — вскричал Ваня.

Выглянуло в оконце сморщенное старушечье лицо.

— Как тут у вас пройти к бабушке, что живет на свете ровно триста лет и три года? — храбро спросил ее Ваня Юныш.

— Где же тебе дойти туда! — прошамкала старуха. — Путь дальний и опасный... Страшилища окружают тебя... А сойдешь с тропинки — и пропал: ни к бабушке не дойдешь, ни домой не возвратишься! Пропадешь как червь...

— Не стражай! Дорогу-то только укажи! — проговорил Ваня.

Старуха молча указала на заросшую тропу. Ваня сказал ей «спасибо» и пошел.

Напали на него страшилища ужасные, завывали, закружились вокруг него, не дают прохода, визжат, скалят зубы, словно съесть хотят. Ваня нахмурил брови, махнул цветочком и смело двинулся вперед. Страшилища мигом исчезли, гробовое безмолвие воцарилось в лесу... Прошел Ваня Юныш ни много ни мало и видит: в стороне, неподалеку от дороги, стоит избушка, у избушки на зава-

линке старушка сидит, пряжу прядет, и не столько прядет, сколько нитки рвет. Увидала она Ваню и зовет к себе.

— Куда ты идешь, Ваня? — ласково спросила старушка. — Ступай-ка лучше ко мне, будешь ты у меня за сына любимого... Я тебя накормлю, напою и одену и обую. Жить тебе будет привольно. И мне-то веселее... Видишь, я одна-одинехонька в этой лесной глуши. Иди, голубчик... Дорогой-то еще, пожалуй, тебя обидят. Мало ли что может случиться! Змея ужалит, волк закусит, разбойники могут напасть... Жаль мне тебя, малого!

Уговаривала, уговаривала старушка, напрасно жалостливо покачивала она головой, не могла она сманить Ваню. Он все свое твердит: «Нет! Мне к бабушке нужно...»

И ушел. Идет Ваня — то песенку запоем, то вспомнит о матери, о своей братии нищей и подумает: как уж он обрадует их, когда из леса возвратится здоров и невредим, принесет ответ от старой бабушки, — и вдруг он, Ваня Юныш, откроет большим и умным людям заветную тайну... Смотрит Ваня: сидит под деревьями молодница. Такая красивая, такая добрая с виду, на коленях у нее разложены всякие сласти: конфеты, печенье, пряники заморские, орехи и всякая всячина. Молодница подзывает к себе Ваню и ласково, приветливо улыбается.

— Иди сюда! Отдохни! Гостинцев дам! — говорит она, протягивая ему кисть сочного винограда. — Ведь ты устал, бедняга! Пить-есть тебе хочется... Вот булка сдобная, вот пирог!.. Кушай на здоровье, сколько хочешь, досыта...

Правда, Ваня устал, и пить и есть ему хочется до смерти; пристально смотрит он на пирог и на лакомства. Пересохло во рту...

Хоть бы одну ягодку в рот положить! Всё же полегче бы стало...

— Нельзя же мне с тропинки сворачивать, — говорит он, невольно оглядываясь на ласковую молодницу.

А та манит его к себе, показывает ему гостинцы, один другого лучше... Ваня ушел.

Порой Ване грустно становилось, брало его раздумье о том, что он, пожалуй, заблудится в этом темном, дремучем лесу, не видать ему своей братии нищей, не застать ему матери в живых. Вдруг Ваня слышит вблизи веселые крики, смех и хохот. Смотрит: на лужайке дети играют, бегают, ловят друг друга, обручи

катают, мячи перебрасывают, прячутся за кустами, аукаются. Весело детям, зовут они Ваню играть, показывают ему игрушки. И что ж это за игрушки! Таких игрушек Ване и во сне не снилось... Большие, нарядные куклы-барышни на пружинках сами по лугу ходят, раскланиваются, головками кивают. Ручки у них лайковые, головки фарфоровые, розовые щеки, блестящие, но безжизненные глаза, — словом, как настоящие, живые барышни. И тут же игрушечные лошади, собачки, барашки, колясочки. Целые города выстроены. По луже корабли плавают, а на берегу лужи крепость выстроена, и перед крепостью картонный генерал потешно командует картонными солдатыками... Остановился Ваня, глаза у него разбежались. Очень захотелось ему посмотреть вблизи на эти игрушки, но вспомнил о братии и, махнув цветочком, пошел дальше.

Идет Ваня, но песенка уже не поет, шибко закручинился. Дремота нападает на него, жажда томит его нестерпимо, голод мучит, усталость одолевает... Вдруг встречается ему старик. Длинная седая борода у старика спускается за пояс; черная змея у него на плечах извивается. Старик опирается на костыль и все смотрит в далекое небо своими тусклыми очами.

— Как мне пройти, старичок, к бабушке, что посреди леса живет? — спросил его Ваня.

— Дойдешь ты скоро до такого места, где три тропинки в разные стороны расходятся, — ответил старик, смотря на небо и поглаживая свою серебристую бороду, между тем как змея у него на плече ворочалась и шипела. — Одна тропинка идет прямо, другая — вправо, третья — влево. Ты иди прямо! Выйдешь ты на полянку и увидишь на той полянке избушку с красным оконцем... В ней-то бабушка и живет.

Ваня простился со стариком и отправился далее.

Прошло ни много ни мало времени. Выходит Ваня на полянку и видит избушку с красным оконцем; на ее крыше, на самом коньке, сидит черный ворон и каркает прямо на восток. Густые деревья окружают избушку своею зеленою тенью. Войдя в избушку, Ваня увидел на лавке старуху, старую-престарую. Рядом с ней, на лавке, сидит белый кот и поет свои песни. На жердочке, протянутой над головой старухи, висят какие-то сухие травы и цветы, и тут же сова сидит, вытаращив свои большие круглые глаза.

— Откуда и кто ты такой есть? — спросила Ваню старуха.

— Я посланец к тебе от нищей братии! — ответил он спокойно, усаживаясь рядом с бабушкой и с ее белым котом.

— Что же тебе от меня надо? — продолжала старуха, брюзгливо поглядывая на него.

— Сначала, бабушка, дай мне помыться, накорми, напои меня, дай выспаться, а потом я и поведу с тобой речь, — сказал Ваня.

Но не вдруг сладил он со старухой. На каждом шагу она ему перечила... Попросил он у бабушки помыться, принесла она ему в корыте воды со льдом. Ваня сказал, что в ледяной воде он не моется; тогда старуха притащила ему кипятку. Наконец, когда Ваня сильно нахмурился, она затопила баню. Вымылся Ваня отлично мылами пахучими, цветочным веником попарился...

После того Ваня попросил есть, старуха принесла ему черствый, сухой хлеб, совершенно черный, сожженный в уголь, потом принесла щей горьких — горче полыни. Наконец-то Ваня добился у нее всяких вкусных кушаний и даже целого блюда сластей... Ваня повеселел, распоясался и попросил пить. Старуха принесла ему в ковшике мутной водицы. Ваня, не говоря ни слова, выплеснул ее за окно. Потом она принесла какого-то кислого квасу — кислее уксуса. Но Ваня добился своего: принесла-таки ему старуха чару меда сладкого.

— Теперь бы еще поспать надо! Постели-ка мне постель, бабушка! — сказал Ваня и стал разоблачаться.

Старуха принесла ему осиновую плаху; потом вытащила откуда-то дырявый, грязный и пыльный половик и бросила на пол, у самой двери. Ваня опять нахмурился. Тут уж старуха постлала ему в переднем углу мягкую постель, белой простынкой накрыла, положила пуховую подушечку и шелковое одеяльце. Выспался Ваня на славу и, выспавшись, рассказал старухе свое дело.

— Вот я пришел к тебе, бабушка, узнать, — закончил Ваня, — что могло быть у нищей братии и что нужно сделать для того, чтобы несчастные себе счастье завоевали?

— А разрыв-трава у вас есть? — строго спросила бабушка.

— Такой травы, кажется, у нас нет! Не слыхал что-то, — сказал Ваня, подумав и качнув головой.

— Как же вы хотите без разрыв-травы обойтись? — нахмутив брови, промолвила старуха. — Будете вы без нее пытаться, да

всё неладно... Ну, слушай же теперь, запомни всё толком и передай своим, — сказала бабушка и начала свое повествование:

«Давно-давно жили на свете злые разбойники. Обирали они людей всячески: и тяжким насилием, и лаской, и хитростью. Копили они золото да серебро, да камни самоцветные — и накопили они всяких богатств тьму. Скупы, жадны были они... Все те, кого разбойники обобрали до ниточки, и стали нищей братией, голыю перекатной. Перед смертью злые разбойники зарыли в землю свой великий клад. Одни говорят, что разбойники с той поры исчезли с земли неведь куда; другие думают, что они в зверей оборотились и разбежались со своим гнусным приплодом по всей земле... Одни из них будто бы оборотились в волка, другие — в крота, а третьи — в лисицу... Одна великая волшебница видела, как разбойники зарывали в землю свой клад, и положила на этот клад свое заклятие. Клад скоплен не добром, скоплен от крох, от слез и крови людской, к обобраным людям он и перейти должен! Пусть он пока останется в земле! Когда люди завладеют разрыв-травой, тогда клад достанется им!..»

— Вот, мальчуга, так и скажи своим, — закончила бабушка свое повествование. — Скажи: клад у них под ногами лежит в земле, они ходят по нему. Видеть его можно, вытащить трудно. Скажи: если отыщут скоро разрыв-траву — ладно, не отыщут — пусть пеняют сами на себя, придется подождать! Скажи: когда станут вырывать клад, чтобы каждый из них носил на груди, ближе к сердцу, эту разрыв-траву. Но скажи им еще: клад с каждым днем уходит в землю всё глубже и глубже. Оттого-то на земле и становится всё темнее и печальнее... Ну, теперь прощай! Спать хочу.

Сказала и полезла на печь. А белый кот по-прежнему сидел на лавке и мурлыкал какую-то загадочную песенку. Сова по-прежнему таращила свои круглые оловянные глаза.

Попрощался Ваня со старухой и отправился в обратный путь. Но из леса он выходил не так бодро, как входил в него. В ногах его чувствовалась слабость, руки дрожали, спина побаливала, словно была палками отколочена, и его спутник — цветочек, сорванный им в поле перед отходом в лес, завял и облетел, остался от него один стебелек. Идет Ваня потихоньку — шатается, пойдет поскорее — за кочки, за корни деревьев запинается, чуть

не падает. Он стал худо видеть: в глазах точно туман стоит. Подошел Ваня к тихому ручью напиться, поосвежить свою голову. Голубая речка в зеленых, цветущих берегах казалась зеркалом в изумрудной оправе. Наклонился Ваня, заглянул в спокойную воду и сам не поверил своим глазам, взглянул еще раз попристальнее, пониже склонился над водой... Вода чиста, невозмутима; полуденное солнце ярко светит с безоблачных небес, и Ваня сознает, что он не спит, не грезит, а живет наяву. И все-таки ему как-то не верится... В воде, как в ясном зеркале, увидел он свое лицо — сухое, желтое, всё в глубоких морщинах, увидел тусклые, угасшие глаза, увидел на голове вместо своих кудрей седые пряди, увидел седую бороду... Где же его молодые блестящие глаза, где его румяные щеки, его беззаботная улыбка, где Ваня Юныш? Ваня успел состариться... Долго же, значит, он пробыл в запоедном лесу.

* * *

Радостно встретила Ваню нищая братия. «Первый-то из трех посланцев выбрался наконец из проклятого леса!..» Ванины сверстники за это время также стариками стали, а из тех стариков, что провожали его, остался в живых один, да и тот, кажется, уже не вполне сознавал: живет ли он?

Насилу отыскал Ваня могилу матери, припал к ней головушкой, словно хотел услышать, что происходит в могиле.

— Родная моя! — шептал он с любовью. — Не привелось нам увидеться! Всю жизнь проблуждал я в темном лесу, боролся с лесными страшилищами, всю молодость свою убил в скитаниях тяжких... Твою заповедь сын твой исполнил: он узнал великую тайну о кладе и откроет ее своим бедным братьям!

Так говорил он, а могила молчала, только густая зеленая трава на ней по ветру наклонялась. Почти рядом с могилой матери нашел Ваня и могилу той, которую прочили ему в невесты. Провожая, она просила Ваню принести ей из леса цветов. Он принес их и бросил на могилу.

— Жених твой сделал свое дело! — молвил он, склонившись над зеленеющим бугром. — Спи, моя прекрасная невеста! Твой жених счастье с тобой променял на тяжелое дело, но он верен

остался тебе, не променял он тебя на те блестящие, лживые видения, что мерещились ему в лесу...

Явился Ваня на сходку — отдавать миру отчет. Оказалось, что разрыв-травы ни у кого не было. Братия приуныла, но все-таки пожелала достойно отпраздновать возвращение Вани и устроила пир... Не на мягких ложах утопали пирующие — лежали они на голой земле; не ясное небо синело у них над головой — низко ходили над ними темные, грозовые тучи; не музыка гремела на том пиру — сердитый, порывистый ветер свистел и шумел кругом по опустевшим, молчаливым рощам и лугам, утопавшим в тумане; не цветущие и веселые девы забавляли пирующих, а ходили между ними какие-то бледные привидения. Не мед пили на том пиру, но воду ключевую; не белым калачом закусывали, но черствую коркой; не веселые песни пели, сидели и пели песни заунывные. И на председателе пира красовался венок не из пахучих роскошных цветов, а из колючего терния...

Стали искать разрыв-траву, искал и старый и малый, насилу нашли несколько пучков. Сто человек добыли эту траву и носили ее на груди, у сердца; остальная же братия осталась без разрыв-травы. «Ведь бабушка сказала: без разрыв-травы нельзя взять клад, но найти его можно и без нее, ведь он тут же, у всех под ногами лежит; ведь по нему почти ходят... А разве попытаться? Благо, что человек заручился разрыв-травой!..» Так рассудила нищая братия.

Принялись рыть. А клад-то оказался уже очень глубоко. Рыпи-рыпи, наконец дорылись кое-как. Немного отрыли клад и видят: золото и серебро и камни самоцветные. Все недро земли словно жар горит. Но все эти драгоценности сплывались в одну сплошную громадную массу, и эта масса пластом залегла по всей земле — от края до края. Ясное дело, что нужна была великая сила для того, чтобы поднять этот глубоко зарывшийся громадный и тяжелый клад. Всё, что находилось на земле, над кладом, должно было неминуемо рухнуть, если бы стали поднимать клад... Тяжел был клад, трудно было поднять его. Ведь разрыв-трава оказалась только у сотни человек, а остальной народ пришел с пустыми руками. Как же быть? «Надо попытаться!» — сказали люди. Все помнили, что клад, по словам бабушки, с каждым днем уходит глубже в землю. «Если не поднимем сегодня, завтра будет

еще труднее!..» Решили — и взялись за один конец клада, стали поднимать... Тогда вдруг солнце померкло, а от земли до самых далеких звезд встали на небе страшные тени злых разбойников. Едва лишь тронули клад, тени разрослись в черные тучи и омрачили все небо. Во тьме кровавым светом полыхнула молния, подул ветер, ударил гром. Земля задрожала над тем местом, где поднимали клад... Люди падали; толстые вековые стены, поросшие мхом, разваливались; старинные здания рассыпались, как карточные домики. Целые города исчезли, горы дали трещины, вода в реках взволновалась и выступила из берегов. Много бед натворилось, а клад не достали...

Но голь не унывает. Нужно найти больше разрыв-травы; нужно, чтобы каждому досталось по стеблю этой заповедной травы; нужно, чтобы каждый носил ее на сердце. Идут дни, годы... Осенью лист на деревьях желтеет и опадает, зимой снежной белой пеленой покрывается земля, весной цветы расцветают, облака плывут по небу, тают и исчезают, цветы облетают, люди рождаются и умирают — и всё идет своим чередом. А люди собирают разрыв-травы всё более и более, всё ждут, надеются и верят в то, что, долго ли, коротко ли, они достанут клад.

